

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Коньков Александр Евгеньевич

**ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

Специальность 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова

- Научный консультант** – ***Соловьёв Александр Иванович,***
доктор политических наук, профессор
- Официальные оппоненты** – ***Гаман-Голутвина Оксана Викторовна,***
доктор политических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
заведующая кафедрой сравнительной политологии
факультета управления и политики Московского
государственного института международных
отношений (университета)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
- Кочетков Александр Павлович,***
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры российской политики
факультета политологии
МГУ имени М.В.Ломоносова
- Курочкин Александр Вячеславович,***
доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры российской политики
Санкт-Петербургского государственного
университета

Защита диссертации состоится «09» декабря 2022 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.055.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27к4, корпус «Шуваловский», ауд. Г-630.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайтах: <https://istina.msu.ru/dissertations/494400730/>
<https://dissovet.msu.ru/dissertation-council/055.1>

Автореферат разослан «__» октября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.1,
кандидат исторических наук, доцент

М.Г. Абрамова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Динамика современного этапа общественного развития значительно трансформирует политическую сферу в целом и государственную политику как совокупность решений и мер, разрабатываемых и принимаемых в общественно значимых интересах. Государство, с одной стороны, последовательно утрачивая монопольные позиции в формировании общественной повестки и моделировании жизни своего рядового гражданина, а с другой – усложняясь в качестве арены конкуренции между разнообразными групповыми, корпоративными и сетевыми акторами за продвижение всё более многомерных интересов, превращается в весьма подвижный и перманентно изменчивый элемент многообразной политической активности.

Возникновение и расширение присутствия в общественном пространстве принципиально новых явлений, не до конца объяснимых и оказывающих заметное влияние на социальную динамику, равно как и усиление влияния разного рода внесистемных акторов окружающей реальности свидетельствуют о нарастании неявных с точки зрения устоявшихся конвенциональных форм элементов и структур, множественных латентных механизмов политики и общественно-политической жизни в целом.

Усиление популистской риторики, непрерывное наполнение, а подчас переполнение дискурса всё новыми смыслами и понятиями, мультиплицирование конфликтных зон в отношениях между различными субъектами, группами и общностями демонстрируют существенный когнитивный разрыв между формальными и реальными внутрисоциальными отношениями, который при этом носит вненациональный и масштабируемый характер. Подлинными бенефициарами политических действий оказываются вне публичного поля зрения, контроля и зачастую даже интереса.

Публичность как важнейшая категория современной социальной среды оказывается весьма нестатичной характеристикой актуальной

государственной политики. Эволюция гражданского общества в направлении инкрементального укрепления собственной субъектности, расширение инструментария обеспечения открытости, гласности, подотчётности функционирования властных структур обусловили не только нормативную профессионализацию государства, но и возникновение целого ряда экстерналий его трансформирующегося функционала.

С одной стороны, государственные акторы стали наращивать компетенции не только монологового или вертикально-одностороннего характера, что проявляется в активных коммуникационных практиках как отдельных министерств и ведомств, так и системы в целом, с другой – апеллирование к критерию публичности превращается и в источник злоупотреблений со стороны конфликтующих группировок внутри элит, информационных войн, наполнения общественного пространства многочисленными шумами. За скобками этих проявлений остаётся реальное содержание отношений, которое продолжает скрываться от массового арбитра.

Наращение латентных механизмов в активности государства приобретает всё более заметный характер, чему способствуют и развитие лоббистских практик и GR-технологий, и многочисленные скандалы с компроматом в отношении политиков и должностных лиц, и противоречивые реформы, и всё большее внимание к возможностям мягкой силы, опирающейся на неявное влияние. Всё это позволяет чётко воспринимать современную государственную политику как комплексное явление, включающее как публичные, открыто и свободно наблюдаемые элементы, так и латентные структуры и механизмы, которые напрямую не позиционируются в публичном поле, однако оказывают воздействие на процессы существования и развития социума. Это, своего рода, айсберг, верхняя часть которого хорошо различима, а нижняя – как правило, гораздо большая по размеру – скрыта от наблюдателя.

В современной России отмеченные тенденции проявляются в не меньшей степени, чем в мире в целом. Ситуативность и неустойчивость общественных институтов, низкая степень общего гражданского участия наряду со сложной этно-социальной структурой общества, рассредоточенной географически и политически, способствуют комплексным и нестабильным внутриэлитным отношениям, высокому конфликтному потенциалу, частым злоупотреблениям со стороны получивших доступ к тем или иным формам ресурсов групп интересов. Всё это приводит, с одной стороны, к публичной осторожности политического класса, попыткам сохранить видимую равноудалённость от разделительных линий, но с другой – к консервации закрытости процесса принятия решений, значительному и последовательно нарастающему разрыву между публичным целеполаганием и реальным целедостижением, фактическими действиями политических акторов, носящих в большей степени латентный характер.

Многомерность вызовов, возникающих в процессе формирования и реализации государственной политики под воздействием всё более обширных и диверсифицирующихся факторов и элементов системы, не различаемых находящейся в повседневном арсенале рационального исследователя оптикой, однако всё более уверенно учитываемых и подразумеваемых акторами и наблюдателями в контексте разработки и реализации политических целей и задач, не только ставит значимую научную проблему, требующую всё более пристального изучения, но, собственно, различению таковых элементов. Такого рода развитие явлений и механизмов, скрытых от оперативного объективного взгляда, но фактически доступных для воздействия на общественные процессы, предопределяет и их диалектическую динамику в актуальных государственных практиках, и усиление разрыва между реальной государственной политикой в меняющемся социуме и воображаемым политическим дискурсом, воспроизводимым в привычных методологических параметрах.

Фундирование системы координат для изучения непубличных, напрямую не артикулируемых и скрытых из повседневных информационных сводок идей, намерений, проектов, готовых при этом оказывать влияние или уже влияющих на сущностные и функциональные свойства пространства формирования государственной политики, становится важнейшей перспективной задачей как для акторов и аналитиков, так и для самой политической науки – гуманитарного знания в целом.

Степень разработанности темы. Проблемы государственной политики и её структурирования глубоко и подробно рассматриваются в обширном числе научных работ как в области политических исследований, так и других, смежных общественных дисциплин и в междисциплинарных подходах. Традиционно существенную долю исследований в рамках соответствующей тематики занимают работы в контексте различных институциональных направлений, по изучению государства как такового и его институтов¹.

Ядро взглядов на процессы формирования и реализации государственной политики, выявление сущностных и процессуальных особенностей осуществления и развития, её структурирование и классификацию образуют ключевые теории принятия решений², включающие оценку и отбор альтернатив³, формирование повестки⁴,

¹ Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.; Теория и история политических институтов / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014; Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011; Понятие государства в четырех языках. Сб. статей под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. 218 с.; Тамбовцев В. Л. Государственное регулирование государства: вопросы теории, международный опыт, российские реформы. М.: РЕЦЭП, 2005. 124 с.; Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.; Börzel T. A., Risse T. Governance without a state: Can it work? // Regulation & Governance, 2010, № 4 (2), pp. 113-134; Hamilton-Hart N., Wai-chung Yeung H. Institutions under pressure: East Asian states, global markets and national firms // Review of International Political Economy. 2019. P. 1-25; Holland I. Values, institutions and the state // Government Reformed. Routledge, 2017. P. 1-19; Schofield N., Caballero G. State, Institutions and Democracy. Springer International Publishing, 2017; Wiener A. European citizenship practice: building institutions of a non-state. Routledge, 2018.

² Соловьёв А. И. Принятие и исполнение государственных решений. М.: Аспект Пресс, 2017; Lovan W. R., Murray M., Shaffer R. (ed.). Participatory governance: planning, conflict mediation and public decision-making in civil society. Routledge, 2017; Garg N., Goel A., Plaut B. Markets for public decision-making // Social Choice and Welfare. 2020. P. 1-47; Kingdon J. Agendas, Alternatives, and Public Policies. London: Pearson, 2011. 304 p.

³ Ferretti V., Pluchinotta I., Tsoukiàs A. Studying the generation of alternatives in public policy making processes // European Journal of Operational Research. 2019. Vol. 273. №. 1. P. 353-363; Морозов А. Н. Альтернативные

программно-целевое политическое управление, доказательную политику⁵ и другие актуальные модели⁶.

Теория рационального выбора и современные теории демократии продолжают оставаться весьма действенными и актуальными для объяснения стратегий и тактики поведения акторов в рамках современных моделей политического участия⁷. Структурно-функциональные и процессуальные направления, развивающиеся в русле трансформирующихся позитивистских течений, определяют развитие понимания государства и различных элементов его политики как явлений всё же рационального порядка, обусловленных объективными потребностями и ресурсами общества⁸. Здесь дискурс диверсифицируется по различным отраслевым направлениям государственной политики, формирующим специфические ниши социальной целесообразности: экономической, образовательной⁹, молодёжной¹⁰, в области здравоохранения¹¹ или спорта¹².

источники статистической информации как основа принятия политических решений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С.50-70.

⁴ Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8-25; Zahariadis N. (ed.). Handbook of public policy agenda setting. Edward Elgar Publishing, 2016; Dragu T., Fan X. An agenda-setting theory of electoral competition // The Journal of Politics. 2016. Vol. 78. № 4. P. 1170-1183.

⁵ Михайлова О. В., Батоврина Е. В. Доказательная политика: концептуализация и оценка российского опыта // Государственное управление. Электронный вестник, 2022, № 90. С. 143-155; Parkhurst J. The politics of evidence: from evidence-based policy to the good governance of evidence. Taylor & Francis, 2017. 182 p.; Newman J. Deconstructing the debate over evidence-based policy // Critical Policy Studies. 2017. Vol. 11. № 2. P. 211-226; Roy M. J., McHugh N., Sinclair S. Social impact bonds—evidence-based policy or ideology? // Handbook of social policy evaluation. Edward Elgar Publishing, 2017.

⁶ Capano G., Lippi A. How policy instruments are chosen: Patterns of decision makers' choices // Policy Sciences. 2017. Vol. 50. № 2. P. 269-293; Dunn W. N. Public policy analysis: An integrated approach. Routledge, 2017.

⁷ Dahl R.A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.; Бирюков С.В., Кисляков М.М., Щеглова Д.В., Прокопенко С.А. Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 171-180; Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику. Москва: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 368 с.

⁸ Jessop B. The State: Past, Present, Future. Cambridge: Polity 2016. 248 p.; Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2020. 384 с.

⁹ Осипов А. М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 136-146; Mitchell D. E., Shipps D., Crowson R. L. (ed.). Shaping education policy: Power and process. NY: Routledge, 2017.

¹⁰ Андришина Е. В., Панова Е. А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // Власть. 2017. № 7; Камалова М.И., Соловьёв А.И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62-83

¹¹ Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Мотивация в системе государственного регулирования (на примере формирования здорового образа жизни) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70

Значительное внимание в исследовании природы и свойств государственной политики сегодня уделяется вопросам политической культуры и других форм общественно-политического сознания¹³. Существенную роль в этом контексте играет изучение идеологий¹⁴, идеологических течений в современном мире¹⁵, различных аспектов символической политики¹⁶ и особенно получившей широкое распространение в последнее время политики памяти и восприятия прошлого в актуальных политических нарративах¹⁷. Всё более заметным становится изучение влияния на политику государства ценностных трансформаций в современных социумах¹⁸.

C.194-219; Campos P. A., Reich M. R. Political analysis for health policy implementation // *Health Systems & Reform*. 2019. № 3. С. 224-235.

¹² Сергеев А. В. Индикативный подход в оценивании государственной политики РФ в сфере физического воспитания студентов // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 2019, № 4. С.105-119; Кузнецов М. Б. Институциональные основы разработки и проведения государственной политики развития физической культуры и спорта в РФ // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2018. № 4. С. 18-23.

¹³ Almond G.A. *Ventures in Political Science*. London: Lynne Rienner Publishers, 2002. 245 p.; *Идеи и ценности в государственном управлении* / Г. В.Пушкарева, А. И.Соловьев, О. В.Михайлова. - М.: Аспект-Пресс, 2018. 272 с.; Fischer F. *Politics, values, and public policy: The problem of methodology*. Routledge, 2019; Haynes P. Understanding the influence of values in complex systems-based approaches to public policy and management // *Public Management Review*. 2018. № 7. С. 980-996.

¹⁴ Caughey D., O'Grady T. O. M., Warshaw C. Policy ideology in European mass publics, 1981–2016 // *American Political Science Review*. 2019. Vol. 113. № 3. P. 674-693; Potrafke N. Government ideology and economic policy-making in the United States—a survey // *Public Choice*. 2018. Vol. 174. № 1-2. P. 145-207; Roy M. J., McHugh N., Sinclair S. Social impact bonds—evidence-based policy or ideology? // *Handbook of social policy evaluation*. Edward Elgar Publishing, 2017; Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2018. № 1. С. 7–29.

¹⁵ Макаренко Б. *Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия*. Альпина Паблишер, 2017; Щипков А. В. Трансформация консервативной политической повестки в условиях мирового кризиса // *Тетради по консерватизму*. 2017. № 1. С. 77-80; Вятр Е.Й. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии? // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2019. № 1 С. 7-22; Piketty T. *Le Capital au XXIe siècle*. Paris: Seuil, 2013. 976 p.

¹⁶ Пушкарева Г. В. Символическое пространство государственного управления // *Политическая наука*. 2020. № 2; Hartung U., Hörisch F. Regulation vs Symbolic Policy-Making: Genetically Modified Organisms in the German States // *German Politics*. 2018. Vol. 27. № 3. P. 380-400; Suntrup J. C. The symbolic politics of the state of exception: images and performances // *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2018. Vol. 28. № 4. P. 565-580.

¹⁷ Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2017. № 4 (87). С. 6-22; Фадеева Л. А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков // *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 6 (116). С. 73-76; Cutchet L., Dale K., Tyler M. 'Remembering as Forgetting': Organizational commemoration as a politics of recognition // *Organization Studies*. 2019. Vol. 40. № 2. P. 267-290.

¹⁸ Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.; Van Acker E. *Marriage and Values in Public Policy: Conflicts in the UK, the US and Australia*. Taylor & Francis, 2017; Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 90–99.

Вместе с тем, расширение и развитие публичного дискурса, распространение новых форм и механизмов взаимодействия акторов в условиях конкуренции и совершенствования технологий передачи информации фундируют потребности в перманентном осмыслении коммуникативных начал современной государственной политики. В этом смысле основной вектор подходов к исследованию актуальной динамики политического процесса, политических систем, политики в целом как набора мер и решений, принимаемых в государстве, формируется на стыке различных направлений современной коммуникативистики¹⁹.

Дальнейшее углубление сетевого подхода²⁰ наряду с развитием технологий опосредованной (виртуальной) коммуникации приводит и к рассмотрению деятельности государства и его акторов, политики в целом уже через призму совершенно новых феноменов цифровой реальности: в интернет-коммуникациях²¹, социальных сетях и мессенджерах²², посредством механизмов блокчейна²³, искусственного интеллекта²⁴, с использованием больших данных²⁵ и других сквозных цифровых технологий.

¹⁹ Deutsch K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: Free Press, 1966; Cai G. et al. *Public opinion formation for democratic decision-making in local governments* // *Information Polity*. 2017. Vol. 22. № 2-3. P. 73-99; Бодрунова С.С. *Современные стратегии британской политической коммуникации*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010; Соловьев А. И. *Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации*. Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 5-18; *Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика* / Под ред. Л.Н.Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 427 с.

²⁰ *The Oxford Handbook of Political Networks* / Ed. by J.N. Victor, A.H. Montgomery, M. Lubel. Oxford: Oxford University Press, 2018; Castells M. *The Rise of the Network Society (The Information Age: Economy, Society and Culture, Volume 1)*. Cambridge: Blackwell, 1996. 556 p.; Jordan A.G. *Sub-Governments, Policy Communities, and Networks* // *Journal of Theoretical Politics*. 1990. Vol. 2; Koliba C. J. et al. *Governance networks in public administration and public policy*. Routledge, 2018; Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд-во ВШЭ, 2014. 384 с.; Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. *Сетевая публичная политика: контуры предметного поля*. Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82-102; Федорченко С. Н. *Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии*. М.: МГОУ, 2018. - 200 с.; Михайлова О. В. *Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или стратегия Чеширского кота по управлению сетями* // *Человек. Сообщество. Управление*. 2016. Т. 17, № 4. С. 6–19.

²¹ Володенков С.В. *Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления*. М.: Проспект, 2021. 416 с.; Туронок С.Г. *Интернет и политический процесс* // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 51-63.

²² Ben-Ur J., Newman B. I. *The Contribution of Social Political Networks to Democracy* // *Journal of Political Marketing*. 2018. Vol. 17. № 4. P. 354-381; Крыштановская О.В., Филиппова А.М. *Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети* // *Вестник университета*, 2018, № 6. С.171-176.

²³ Tapscott D., Tapscott A. *Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business and the World*. London: Portfolio Penguin, 2016. 432 p.; Сморгунов Л. В. *Блокчейн как институт процедурной справедливости* // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 88-99.

Диверсифицирующиеся последствия глобализации и связанные с этим вызовы и ответные приоритеты политики государств рассматриваются в многочисленных работах в рамках современных теорий международных отношений и мировой политики²⁶. Исследования в русле большинства известных течений так или иначе осмысливают и роль самих государств, и специфику реализуемой ими политики в постоянно меняющемся и наполняющемся всё новыми кризисами и конфликтами мире. В частности, роль и значение негосударственных акторов²⁷, механизмов публичной дипломатии и технологий мягкой силы²⁸, инструментов социально-гуманитарного, опосредующего официальные государственные институты воздействия²⁹.

Специфика рассмотрения подходов к формированию государственной политики применительно к Российской Федерации в последние годы отличается всё более значительной востребованностью в современном академическом дискурсе. Это характерно не только для предсказуемо высокого внимания отечественных исследователей, обнаруживающих в российском опыте как проявление универсальных свойств меняющейся политической организации социума, так и наличие особых черт модели

²⁴ Лексин В. Н. Искусственный интеллект в экономике, политике и частной жизни. М.: URSS, 2021. 336 с; Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 34-57.

²⁵ Володенков С. В. Big data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 7-13; Athey S. Beyond prediction: Using big data for policy problems // Science. 2017. Vol. 355. № 6324. P. 483-485.

²⁶ Мировой порядок – время перемен / Под ред. А. И. Соловьёва, О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2019. 375 с.; Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект-пресс, 2015. 632 с.; Buzan B. From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation, Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²⁷ Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // Международные отношения. 2013. №3. С.312-317; Харитонов Н.И. Инструменты коммуникации при взаимодействии государственных структур с негосударственными акторами. // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 53. С. 214-236.

²⁸ Nye J.S. The Future of Power. Public Affairs: New York, 2011; Nisbett M. Who Holds the Power in Soft Power // Arts & International Affairs, 2016, Vol. 1, no 1, pp. 110-148; Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. Т. 3. № 54. С. 212-223; Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 4 (43). С.45-56; Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные» революции // Российский журнал правовых исследований, 2016, № 1, сс. 73-86.

²⁹ Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике. // Полис. 2014. № 1. С.99-108; Великая А. А. Гуманитарное присутствие США в Центральной Азии: вовлечь регион в сферу своего влияния // Международная жизнь. 2019. № 9. С. 90-101.

государственного устройства³⁰, структуры политической власти и её социальной природы³¹, массовых коммуникаций³², позиционирования в мировой политике³³. Вполне соотносимый плюрализм во взглядах на российскую государственную политику наблюдается и в работах зарубежных авторов, которые сочетают раскрытие специфики отечественных политических практик³⁴ с включением российских кейсов в различные компаративные модели устройства и функционирования современных демократий³⁵.

Все перечисленные подходы к государству, государственной политике и её формированию весьма уверенно и с разной степенью подробности сосредотачиваются на публичных аспектах явлений, их сущности, свойствах и функциях в публичном пространстве взаимодействия. Большинство парадигм так или иначе предусматривает наличие и других, не всегда открыто представленных, не подпадающих под общие закономерности событий и форм³⁶, а многие авторы прямо отмечают специфику и латентных

³⁰ Столяров М. В. Федерализм и державность: российский вариант. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Славянский диалог, 2001; Черепанов В. А. Федеративная реформа в России. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 320 с.; Соловьев А. И. Способности и состоятельность российского государства: к постановке проблемы // Политическая наука. 2011. № 2. С.125-142.

³¹ Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 254 с.; Глухова А. В., Зюзина Е. Б., Сиденко О. А. [и др.] Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России. Воронеж: Научная книга, 2020. 247 с.; Патрушев С. В. и др. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1 (29). С.27-47

³² Толмачева И.В. Лоббизм по-русски. Между бизнесом и властью. М.: Эксмо, 2011; Щенникова К. Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. № 1. С. 159-164

³³ Tsygankov A. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Rowman & Littlefield Publishers, 2013; Безруков А.О. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике. 2017. № 1. С. 58; Внешняя политика России: 2000-2020: Научное издание в 3 томах / Рос. совет по межд. делам [под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект-Пресс, 2012.

³⁴ van Herpen M.H. Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 319 p.; Hill F., Gaddy Clifford G. Mr. Putin: Operative in the Kremlin. EDS Publications Ltd., 2015; Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016. 464 с.; Blot I. La Russie de Poutine. Paris, Bernard Giovanangeli, 2015; Ledeneva A. Unwritten rules. How Russia really works. London: Center for European Reform, 2001. 48 p.; Monaghan A. Defibrillating the Vertikal? Putin and Russian Grand Strategy. London: Chatham House, 2014. 23 p.; Konitzer A. and Wegren S. K. Federalism and Political Recentralization in the Russian Federation: United Russia as the Party of Power // Publius : The Journal of Federalism, 2006, Vol. 36. P. 503-522.

³⁵ Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press, 2014; Lo B. Russia and the New World Disorder. EDS Publications Ltd., 2015; Mastering Decentralization and Public Administration Reforms in Central and Eastern Europe / G. Peteri, ed. Local Government and Public Service Reform Initiative/ OSI-Budapest, 2002. 236 p.

³⁶ Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19-42; Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект Пресс, 2020. 208 с.; Якунин В. И. Политическая

явлений и механизмов в политике³⁷, их влияние на процесс принятия решений, развитие новых форм сознания, укрепление или ослабление различных социальных сущностей³⁸.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретической модели, раскрывающей особенности местоположения и характера применения латентных механизмов в формировании современной государственной политики, отражающих сложную конфигурацию взаимоотношений государственных и негосударственных акторов во внутри- и внешнеполитической сферах общественной жизни и предполагающих применение особых технологий и инструментов в разработке и реализации политических целей.

Для достижения поставленной цели будут решаться следующие исследовательские *задачи*:

1. обобщить наиболее значимые подходы к изучению латентных явлений в политической сфере в целом и в государственной политике в частности, уточнив сущность и процессы формирования последней с учётом различных факторов данной формы активности государства в контексте постановки и достижения общественно значимых целей;
2. установить когнитивные параметры определения латентных явлений в политике, позволяющие различать как объективные закономерности

тектоника современного мира // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 20-32; Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998; Fan K., Pedrycz W. Evolution of public opinions in closed societies influenced by broadcast media //Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2017. P. 53-66; Ferguson N. The Square and the Tower: Networks and Power, from the Freemasons to Facebook. NY: Penguin Books, 2018. 608 p.

³⁷ Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Glencoe, IL: Free Press, 1957; Wheatley J. Identifying latent policy dimensions from public opinion data: An inductive approach //Journal of Elections, Public Opinion & Parties. 2015. Vol. 25. № 2. P. 215-233; Курилло В.Е. Латентная политика. Политическая латентология. М.: Издательство «Спутник+», 2013; Епархина О. В. Коррупция как фактор развития латентных конфликтов // Конфликтология. 2013. № 1. С. 81-91; Журавлева Т. А. Латентные сети в публичной политике //Власть. 2016. № 6; Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2017. № 63. С. 212–232; Адамьянц Т. З. Латентные технологии информационных войн и «двойных стандартов» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 123-127.

³⁸ Соловьев А. И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 5 С. 70-98; Миллер Т. В. Роль латентных структур в процессе принятия политических решений : дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Москва, 2017; Савченко А.В. Латентное управление: сущность и механизм использования : дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05.М., 2008; Ledeneva A. Unwritten rules. How Russia really works. London: Center for European Reform, 2001. 48 p.

развития и функционирования скрытых элементов в политической сфере, так и субъективные конструкты, являющиеся следствием вовлечения и участия конкретных акторов в усилении непубличного воздействия на политический процесс посредством определённых механизмов;

3. разработать методологический инструментарий идентификации латентных механизмов как непубличных форм и способов разработки и осуществления государственной политики, охарактеризовать эвристические особенности соответствующих когнитивных инструментов, раскрыть их характер, роль и местоположение в рамках современной политической науки;
4. разработать подходы к дифференциации публичных и латентных механизмов, используемых в современных политических отношениях государства и его стейкхолдеров с учетом интенсивно развивающейся цифровой среды и развития новых направлений внутри- и внешнеполитической деятельности государства;
5. раскрыть специфику текущего состояния и динамику публичности в современных общественно-политических отношениях национального государства, охарактеризовать её сущностное, процессуальное и функциональное значение для вступающих с ним в контакты различных акторов, определить границы явлений, в рамках которых складываются и развиваются непубличные формы политической активности;
6. охарактеризовать особенности позиционирования латентных механизмов на различных уровнях политической активности государства в процессе осуществления им целенаправленных действий по решению общественно значимых вопросов, в том числе в контексте выстраивания отношений с обществом (макрополитики), в процессе межгруппового политико-административного взаимодействия (мезополитики), а также в международной среде формирования государственной политики (мегаполитики);

7. обосновать современные формы гибридного (синтетического и синкретического) сочетания публичных и латентных инструментов формирования государственной политики с учетом возрастающей роли структур и технологий цифровизации, применяемых в политических и политико-административных механизмах целеполагания;
8. определить фактическую роль и значение публичных механизмов формирования государственной политики на примере современной России в соотнесении с практиками недекларируемого целеполагания в российском социуме, охарактеризовать риторические и символические способы защиты и информационного прикрытия латентных механизмов разработки государственной политики, ее ключевых решений при проведении институциональных реформ в России, установить возможности, ограничения и перспективы совместного применения публичных и латентных механизмов в процессе разработки государственных стратегий в среднесрочном горизонте;
9. раскрыть специфику актуального российского опыта развития инструментов публичной дипломатии как модальности использования латентных механизмов разработки и продвижения целей государственной политики на её внешнем контуре во взаимодействии с окружающим миром.

Объект исследования – процессы и механизмы формирования современной государственной политики.

Предмет исследования – латентные механизмы и технологии формирования современной государственной политики.

Гипотеза исследования. Будучи структурным компонентом целеполагания, латентные механизмы и технологии характеризуют особый инструментарий взаимодействия государственных и негосударственных акторов, применяясь на всех стадиях формирования государственной политики и во всех ее предметных разновидностях. Основные источники скрытых и полускрытых от общества форм разработки государственной

политики коренятся в неоглашаемых (легальных и иллегальных) интересах, ресурсах и аргументах фактических участников данного процесса, а также в конкретных установках определенных государственных акторов и наиболее влиятельных политических стейкхолдеров.

Усиление публичных параметров формирования государственной политики в условиях развития гражданского общества и технологического совершенствования демократических процедур латентные механизмы не только не вытесняются из арсенала акторов, но и наоборот – упрочивают свою действенность и эффективность на фоне обострения конкуренции за политические ресурсы и расширения информационной асимметрии в адаптации перманентно развивающихся технологий коммуникационно-сетевого взаимодействия. Всё более повсеместное использование разными акторами латентных механизмов формирует в государственной политике параллельную самостоятельную метасферу, обретающую форму автономности: элиты имитируют перед обществом публичное целеполагание в общих интересах, но фактически сосредотачивают усилия на целедостижении по скрытым от граждан приоритетным направлениям частно-группового порядка.

По мере усиления неформальных коммуникаций и попыток сетевой колонизации публичных институтов латентные механизмы и технологии повышают свою роль и значение в ключевых узлах политического влияния, а также при переходе от стадии разработки целей к процессу целедостижения, что усложняет конкуренцию влиятельных акторов за доступ к распределению общественных благ и ресурсов. В условиях цифровизации государственного управления, с одной стороны, усиливаются системные ограничения для применения латентных механизмов и расширения открытых, демократических форм разработки целей. С другой стороны, совершенствование технологий неформальной артикуляции интересов и сетевого влияния на центры и узлы принятия решений снижает действенность государственного контроля и гражданского активизма.

Сочетание обозначенных тенденций в среднесрочной перспективе ведет к снижению соучастия населения и институтов власти, способствуя повышению разнородности государственной политики и деформации общественных интересов. В условиях нарастания численности и влияния акторов, имеющих разноплановую политическую и социальную природу, снижение управленческих рисков, обусловленных применением латентных механизмов, предполагает усиление институционального контроля за активностью сетевых стейкхолдеров и расширение форм гражданского активизма.

Научная новизна исследования состоит в разработке теоретической модели, которая, будучи идеализированной конструкцией, своеобразной формой репрезентации объективного мира, в нашем случае отражает комплекс значимых научных подходов, когнитивных параметров публичных и латентных явлений, инструментов идентификации латентных механизмов государственной политики, дифференцирующих их от публичных, а также раскрывает специфику гибридного сочетания публичных и латентных форм общественно-государственного взаимодействия в современном национальном государстве, политико-административных связей и внешнеполитических процессов с учетом возрастающей роли структур и технологий цифровизации и других глобальных трансформаций.

Показано, что индикаторы латентных явлений обнаруживаются на разных уровнях исследования политики и могут предопределяться широким набором факторов, обуславливаемых как фундаментальными свойствами и функциями политической организации общества (конкурентность, асимметричность, конфликтность и др.), так и субъективными характеристиками самих акторов (лидерский потенциал, идеологические и психологические характеристики и т.д.). Специфика реализуемых акторами механизмов и технологий также представляет собой самостоятельный класс факторов, определяющих развитие латентной сферы в современной политике

и идентифицируемых в контексте прикладного (тактического) уровня её исследования.

Отмечено, таким образом, что наряду с действующими на фундаментальном уровне и обусловленными объективной природой политики как таковой органическими характеристиками латентности – именно в государственной политике последние становятся лишь предпосылками для более «выраженных» скрытых стратегий, обусловленных уже специфическими мотивами и замыслами акторов, преследующих собственные интересы в контексте общесоциального и общегражданского целеполагания. Одновременно особенностью латентности в государственной политике становится то, что в ней находит место сочетание как легально-конфиденциальных механизмов (секретные переговоры, разведка, режимы государственной тайны и проч.), так и иллегальных и сугубо имплицитно-подразумеваемых (закрытые структуры и сети, непубличные каналы коммуникации, расширение информационной асимметрии, цифровые злоупотребления и др.). Вне своих непосредственных публичных состояний государственная политика расщепляется на две метасферы, отражающие публично-имитационную видимость отношений всех со всеми и латентно-фактическую реальность взаимодействия подлинных акторов.

Именно сформулированный на этой основе инструментальный подход к рассмотрению латентных явлений в государственной политике позволил обосновать двойственную публичную и латентную природу реализуемых акторами в реальном политическом процессе действий и выявить теоретические параметры изучения латентных механизмов на основе фронтальных индикаторов скрытого влияния на формирование и реализацию целей современного государства.

Как показано в разработанной модели, особое сочетание латентных и публичных параметров государственного целеполагания и целедостижения выражено в наличии эксплицитных и имплицитных составляющих, внутренние зависимости которых определяют используемые

государством политико-административные технологии разработки и осуществления общественно значимых целей. Обосновано, что если эксплицитные составляющие в формировании государственной политики аттестуют публичные механизмы целедостижения и скрытые целевые установки, то имплицитные параметры характеризуют публичный характер целеполагания и латентные механизмы их достижения. В современных условиях модификации конкретных латентных механизмов формирования государственной политики отражают особую комбинацию взаимодействия государственных и негосударственных (формальных и неформальных) акторов в контексте публичного целеполагания на всех уровнях их политического взаимодействия. Обосновано, что наряду с устоявшимися институализированными формами скрытого влияния на государство (партийные коалиции, сепаратные переговоры, конфиденциальные сделки, разведка и проч.) усиливаются и в гораздо меньшей степени осязаемые инструменты сетевого свойства. Так, на макрополитическом уровне типичной формой применения латентных механизмов становится их взаимопереплетение с публичными технологиями; на мезополитическом уровне, отражающем межгрупповую конкуренцию и регулятивно-арбитражный потенциал политико-административных структур, латентные технологии усиливают централизацию и технократизацию согласительных процедур, а на мегаполитическом уровне, демонстрирующем глобальный характер взаимодействия национальных политий, технологии недекларируемого целеполагания (помимо институционально обусловленных конфиденциальных форматов межгосударственного взаимодействия), системно используются в информационно-коммуникационных механизмах публичной дипломатии и мягкой силы.

В контексте разработки предлагаемой модели были получены следующие научные результаты:

1. Установлена и описана фундаментальная органичность, свойственность латентности как особой скрытой формы социальных отношений

пространству политики как таковому, где проявления и развитие соответствующих явлений определяются уже характером приложения предметных и субъективных факторов конкретных политических категорий. В этом контексте уточнено сущностное понимание государственной политики как многомерной сетевой мозаичной конструкции скалярных (отличающихся известной стабильностью) и векторных (целеориентированных, априори изменчивых) кластеров взаимоувязанных структур, процедур и коммуникаций воздействующих на них акторов, позволившее определить место и охарактеризовать роль латентных механизмов как особых акций и интеракций политических акторов по непубличному решению своих задач в общей системе активности государства при постановке и достижении общественно значимых целей.

2. Дифференцированы подходы к выявлению и описанию латентных явлений в политике, обусловленные как многоуровневостью последних, так и разнообразием типов и форм самой латентности. Если на фундаментальном (стратегическом) уровне концентрируются общеполитические параметры и функции, носящие объективный и органический характер, в равной мере сущностно присущий различным феноменам политического свойства, то на субъективном (переходном) и прикладном (тактическом) уровнях формируются факторы, отражающие специфику латентного пространства государственной политики, включая, соответственно, воздействие непосредственных акторов и задействуемых ими механизмов для скрытного решения имеющихся задач. При этом сама по себе латентность предстаёт в контексте институализированных (эксплицитных) и неинституализированных (имплицитных) форм, позволяющих типологизировать как легализуемые форматы официальной конфиденциальности, так и полностью изолированные от общественного дискурса коммуникационные контуры и механизмы различных стейкхолдеров.

3. Обоснован релятивный характер публичного пространства современной государственной политики, отражающего отдельные и по преимуществу типичные, институционально-нормативные механизмы целеполагания и целедостижения, не обладающие, однако, достаточным инструментарием верифицируемого распознавания всей полноты процесса разработки и реализации политики современного государства. Выделены основания и критерии различения имплицитных и эксплицитных форм целенаправленной деятельности государства при осуществлении его политической линии, раскрыты и охарактеризованы особенности их одновременного (сохраняющего пограничные, фронтальные формы взаимодействия) применения в процессе производства целевых устремлений власти в публичной и латентной сферах жизни.
4. В развитие теории принятия государственных решений и углубления представлений о коммуникативных основаниях данного процесса выявлены факторы, обуславливающие функционал публичной и латентной сфер как ключевых метапространств формирования государственной политики; показана их роль в определении открытости/замкнутости контура политического целеполагания, объединяющего вовлечённых в данный процесс государственных и негосударственных акторов. Установлено, что в случае открытого коммуникационного контура государственная политика выступает как часть публичной сферы общественной жизни, в то время как в противоположном случае совокупность используемых механизмов целеполагания аттестует государственную политику как форму воплощения скрытых от общества целей, отдающих предпочтение латентным инструментам разработки решений и представляющих собой совокупность изолированных друг от друга или частично пересекающихся друг с другом в ключевых узлах сетевых подпространств различного происхождения.

5. Определены структурные основания позиционирования латентных механизмов и технологий в контексте разработки и воплощения государственной политики, охарактеризованы особенности и процессуальные источники их применения на различных уровнях, фазах и стадиях государственного целеполагания, теоретически описано их использование во внутри- и внешнеполитических проектах современного государства.
6. Сформулирован концептуальный подход к описанию латентных механизмов и технологий формирования современной государственной политики на основе когнитивного потенциала имплицитной политики, определяющего гибридную совокупность латентных механизмов, осуществляемых государственными и негосударственными акторами для реализации открыто не артикулируемых, непубличных задач в рамках подлинного или имитационного достижения общих публично декларируемых целей. В этом контексте отмечены особые, в том числе рефлексивные параметры применения латентных механизмов, отражающие их способность к рациональной интерпретации и верификации политических явлений в публичной сфере в условиях роста структур и технологий цифровизации.
7. Определены роль и значение цифровых инструментов и соответствующих параметров внешней среды государственной политики, влияющих на функциональные и процессуальные особенности латентных механизмов её формирования, процедуры разработки и имплементации её целей и установок. В данном контексте показаны проблемы и перспективы трансформации и дифференциации публичных и латентных структур и механизмов при формировании внутри- и внешнеполитических проектов современного государства.
8. Обоснована волатильность публичных механизмов формирования актуальной российской государственной политики, обусловленная акторскими практиками скрытного манипулирования гибкостью и

подвижностью публичных целей, подменяемых в условиях дефицита реальных контрольных механизмов латентными формами недекларируемого целеполагания при принятии ключевых решений, что позволило систематизировать и латентные механизмы, идентифицируемые в государственной политике современного российского общества с учетом уровней и предметных оснований ее формирования во внутри- и внешнеполитической сферах жизни. Показано, что базовой предпосылкой развития латентных механизмов стал воспроизводящийся разрыв между публично заявляемыми ожидаемыми результатами проводимых институциональных реформ и реальными потребностями акторов, обуславливающих дихотомичность публичных и латентных средств фактически осуществляемого целедостижения в рамках формируемых и обновляемых государственных стратегий.

9. Выявлены и обоснованы особые параметры актуальных российских практик публичной дипломатии и технологий мягкой силы, раскрывающие в дополнение к открыто продвигаемым коммуникационным эффектам множественных горизонтальных связей актуального международного сотрудничества латентные механизмы мобилизации общественных ресурсов в интересах отдельных внутригосударственных акторов, включающихся в целеполагание на внешнем контуре в условиях глобальной неопределённости и конкуренции за человеческий капитал.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении и теоретическом описании когнитивных и функциональных возможностей латентных механизмов формирования государственной политики, в расширении методологических и теоретических подходов к идентификации сохраняющихся, воспроизводящихся и изменяющихся непубличных элементов современной политической картины мира, характеризующейся последовательным ростом внимания специалистов к разнообразным

аспектам процесса принятия государственных решений, диверсификации механизмов общественного и группового контроля, умножению рисков политического целеполагания и целедостижения в условиях современной цифровизации. В условиях текущей недостаточной разработанности темы был сформулирован и обоснован подход к изучению латентных механизмов формирования государственной политики, позволяющий как развивать заявленные положения, так и разрабатывать альтернативные направления исследования столь важных и становящихся всё более актуальными для современной общественно-политической реальности явлений. Эвристичность предложенной модели формирует основания для более плюралистичного взгляда, соотносимого с возможностями иных подходов и представлений.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования основных выводов и положений диссертации для разработки стратегий и концепций развития различных направлений политики государства или субгосударственных образований (регионов, муниципалитетов), проектов нормативно-правовых актов, государственных программ и проектов, иных политических документов долгосрочного или среднесрочного характера, для урегулирования межуровневых и межэлитных конфликтов, решения прикладных задач. Эвристический потенциал сформулированных выводов позволяет осуществлять выработку более действенных подходов к минимизации рисков управляемости в государственной политике и принципов эффективного антикризисного государственного управления. Материалы диссертации могут быть использованы в образовательных программах высшего образования и аспирантуры, при подготовке и переподготовке государственных и муниципальных служащих, при разработке и обновлении программ учебных дисциплин политологической и политико-управленческой направленности.

Методология диссертационного исследования определяется целью и задачами диссертации. В её основе – аналитика среднего уровня, предполагающая рассмотрение актуальных механизмов и технологий в

политическом процессе современного государства, которая позволяет задействовать в работе эвристический потенциал широкого набора познавательных инструментов: институционального и историко-институционального, нормативистского, компаративного, структурно-функционального методов, системного подхода и сетевой методологии.

При этом общая фундаментально-когнитивная рамка диссертации, задающая понятийно-категориальные представления об описываемых явлениях, определяется, с одной стороны, практико-ориентированными методами процессуальной и поведенческой (бихевиоральной и постбихевиоральной) направленности, а с другой – современной методологией конструктивизма, предусматривающей особое внимание к факторам сознания и коммуникации политических акторов, участников различных социальных отношений, общества в целом. Тем самым при реализации поставленных цели и задач используются предпосылки для рассмотрения на операциональном уровне явлений объективной реальности наряду с проявляющейся спецификой не наблюдаемых напрямую факторов, определяющих стратегии и действия субъектов современного политического процесса.

В частности, использование институционального и структурно-функционального методов позволяет оценить проблемы латентности в государственной политике через призму дифференциации публичных и непубличных форм и структур, их сущностных и функциональных различий. Исторический институционализм является основой для работы с примерами конкретных способов и приёмов непубличного позиционирования политических явлений и проектов, верифицированных впоследствии в общественно-политическом дискурсе. Нормативистский метод даёт возможность рассмотреть существующие подходы к легализации сохраняющихся в тени явлений в государственно-управленческих процессах – как выделение режимов секретности и защита государственной тайны, так и перспективы регулирования лоббистской деятельности, международного

взаимодействия по политическим вопросам и проч. Компаративный метод оказывается востребован с точки зрения сопоставления различных практик латентных механизмов как в разных государствах и при разных режимах, так и у разных типов акторов, их использующих. Сетевая методология раскрывает пути идентификации реальных связей и отношений вне сугубо публичных статусов действующих акторов.

Сбор данных базируется на использовании методов наблюдения, анализа документов, экспертных опросов и интервью участников процессов подготовки, принятия и реализации государственных решений (федеральное и региональное законодательство, нормативно-распорядительные акты органов исполнительной власти, государственные программы, национальные проекты и программы и др.).

Целый ряд методов и техник анализа данных позволяет преломлять в контексте исследовательских цели и задач эмпирический материал, аккумулирующий приёмы и практики участников формирования государственной политики. Методы экстраполяции и прогнозирования позволяют формулировать перспективный характер латентных механизмов в их стратегиях, их устойчивость или изменчивость под влиянием новых обстоятельств. В частности, задействование также возможностей интент-анализа и дискурс-анализа при изучении вербальных и невербальных коммуникаций политических акторов в публичном пространстве является субстантивной основой для достраивания не афишируемых, скрытых замыслов, верифицируемых в последующих и перспективных действиях соответствующих участников политического процесса.

Методологически важным оказывается и использование приёма включённого наблюдения, дающего возможность непредвзято и рационально подходить к анализу явлений непубличного характера с точки зрения их воспринимаемого влияния на актуальные политические процессы.

Вместе с тем, специфика предмета исследования не позволяет в полной мере и с известной долей уверенности раскрывать и теоретически описывать

всю палитру формирующихся явлений через призму традиционной каузальной методологии политического исследования.

Вскрываемый в рамках рассматриваемой темы пласт сущностных и функциональных проблем, возникающих при попытках всестороннего описания непосредственно не наблюдаемых механизмов формирования государственной политики, наталкивается на предсказуемый дефицит готового и сбалансированного методологического инструментария. Несмотря на разную степень эвристичности, демонстрируемую в рамках как перечисленных, так и некоторых иных способов познания, совместное использование последних в известной мере носит вероятностный и субъективный характер, требующий дальнейшего наращивания и последовательной теоретической расшифровки эмпирической базы.

В этом смысле методологический фундамент настоящего исследования наряду с применением когнитивного инструментария, присущего традиционному теоретическому моделированию среднего уровня, неизбежно содержит и логико-интуитивные способы познания, чей эвристический потенциал дополняет возможности процессуально-поведенческого и конструктивистского подходов (а также применения таких научно-аналитических приёмов, как контент-анализ, фактчекинг, бенчмаркинг и др.), раскрывающих феноменологическую природу политических реалий современной России и глобального мира.

Положения, выносимые на защиту:

1. Латентность, представляющая собой особую форму неоглашаемого социального взаимодействия, внутренне присуща политике как специфической сфере общественных отношений и находит свои проявления на её различных уровнях: как на фундаментальном (стратегическом) уровне, отражающем ключевые общеполитические параметры и феномены, так и на субъективном (переходном) уровне, где доминируют мотивы и интенции самих акторов (субъектов), обладающих разной степенью нормативности (легальности), а также на прикладном

(тактическом) уровне, который характеризует используемые акторами в процессе взаимодействия механизмы и технологии.

2. Несмотря на меняющееся качество дискурсивных параметров, демонстрирующих новые нормы и практики взаимодействия власти с гражданскими стейкхолдерами, фундаментальные свойства этого процесса отражают наличие латентных механизмов и технологий, обладающих как легальной, так и иллегальной природой, представляющих собой особые действия политических акторов по непубличной реализации своих интересов.
3. Государственная политика, будучи многомерной институционально-сетевой конструкцией скалярных (характеризующихся известной стабильностью) и векторных (целеориентированных и априори изменчивых) кластеров взаимоувязанных структур и механизмов, представляет собой совокупность целесообразных действий статусных и гражданских акторов, действующих в публичной и латентной сферах.
4. Латентность как фундаментальный элемент государственной политики не только не вытесняется из этого процесса по мере расширения публичности при разработке и осуществлении общественно значимых целей, но и постоянно совершенствуется, демонстрируя на каждой стадии развития государства и общества новые возможности для реализации интересов элитарных и неэлитарных слоев.
5. Применение латентных механизмов и технологий формирования государственной политики образует замкнутый (изолированный от гражданской части социума) коммуникационный контур, объединяющий сеть политических акторов, обладающих соответствующими инструментами обмена информацией и различными формами влияния на центры принятия государственных решений. В этих условиях дефицит публичных инструментов, необходимых для идентификации латентных механизмов, преодолевается через соотнесение декларируемых целей государственной политики и её непосредственных результатов,

выражающихся в наличии фактических выгодоприобретателей реализованных общегосударственных мер.

6. Всеобщая цифровизация, способствующая расширению публичного политического дискурса, умножающего формы открытого взаимодействия между политическими акторами, одновременно обуславливает и активное образование новых латентных механизмов разработки и реализации государственной политики, сохраняющих у соответствующих акторов ресурсные основания своей политической субъектности и возможности устойчивого воспроизводства контрольно-распределительного функционала.
7. Государственная политика, включая разнообразные формы активности политических акторов, демонстрирует наличие эксплицитных (использование публичных механизмов, направленное на достижения латентных целей) и имплицитных (использование латентных механизмов, направленное на достижение публичных целей) акций и интеракций, образующих основу модели теоретического раскрытия местоположения и характера применения латентных механизмов в государственном целеполагании и целедостижении. Эти явления, затрагивая одновременно публичную и латентную сферы и отражая промежуточно-условный характер репрезентации соответствующих стратегий акторов, становятся значимыми предпосылками для дальнейшего раскрытия непосредственно латентных механизмов и технологий в процессах политического целедостижения, представляющих собой особый класс компонентов латентной сферы.
8. Государство, общество и внешние средовые условия, будучи специфическими объектами государственной политики, способствуют вовлечению в процедуры разработки стратегий и целей наиболее значимых политических инвесторов, которые ради усиления позиций и повышения своей ресурсной оснащенности постоянно применяют специфические механизмы и технологии латентного влияния. Роль и

значение используемого ими латентного инструментария идентифицируются по мере увеличения расхождения между публично декларируемыми и ожидаемыми, но не достигаемыми в полной мере результатами и затраченными на это активами.

9. Сохраняющиеся различия между центростремительными и вертикально-интегрированными практиками государственного управления демонстрируют непрерывную трансформацию этих политико-административных пространств под влиянием диверсифицированных источников государственного целеполагания и динамики взаимоотношений негосударственных акторов сетевого происхождения. В рамках развития этого общественно-политического континуума интенсивное переплетение (характерных для этих управленческих арен) приемов и технологий формирования государственной политики не только образует в этом процессе множественные фронтальные зоны, но и расширяет благоприятные условия для применения латентных механизмов презентации и продвижения интересов основных политических акторов.
10. По мере развития и укрепления авторитета гражданских структур и институтов нарастает градация сетевых коалиций и ассоциаций, вовлекаемых в социально-политические процессы и формирование государственной политики. Отдельные государственные институты при помощи лояльных сетевых структур последовательно адаптируются к вновь образующимся формам гражданской активности, которые не только демонстрируют более конкурентоспособные практики участия в разработке целей, но и инициируют дополнительные латентные механизмы формирования и реализации государственной политики.
11. Снижение монопольной роли государства способствует изменению структуры политического господства (в области государственного строительства, конституционного строя, проведения институциональных реформ и т.д.), предполагающего повышение роли механизмов латентной

мобилизации и усиления – с их помощью – императивного характера целеполагания. В то же время у общества данные изменения снижают возможности применения контрольных и надзорных технологий в политико-административных процессах формирования государственной политики, а дальнейшая регламентация процедур представительства гражданских интересов порождает тенденцию к снижению их зависимости от результатов народного волеизъявления.

12. Использование в государственной политике ресурсов мягкой силы представляет собой применение акторами особых латентных механизмов по имплементации и воплощению внешнеполитических решений за счет непрямого и недекларируемого воздействия на конкурирующие центры политического влияния и расширения репутационного капитала государства в сфере международного целеполагания.
13. В условиях утраты государством своей монопольной роли на проведение внешней политики, а также активизации на международной арене разнообразных негосударственных акторов, действенным механизмом латентного целеполагания становится публичная дипломатия. Несмотря на явный характер презентации соответствующих проектов и целей, смыслы и акции этой формы взаимодействия неизбежно выходят за рамки открытого общественно-политического дискурса, оказывая подспудное, но активное влияние на позиции субъектов мировой политики.
14. Под воздействием разрозненных латентных механизмов и технологий, применяемых в процессах целеполагания и целедостижения, государственная политика «расслаивается» на публичные формы активности политического класса и скрытые практики правящих кругов, в решающей степени преследующих свои интересы и цели.

Степень достоверности. Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается адресным сочетанием применяемых современных научных методов и достаточным количеством наблюдений, обусловленных как хронологическими рамками объекта

работы, так и набором рассматриваемых предметно-содержательных направлений государственной политики России. Положения, выносимые на защиту, выводы и рекомендации по итогам работы подкрепляются убедительными фактическими данными, ссылками на реальные явления современной политической действительности, зафиксированные как в нормативных, научных, так и в разнообразных информационных источниках.

Апробация результатов. Основные положения диссертации были апробированы в научных публикациях в ведущих рецензируемых журналах, монографиях, учебных пособиях, в докладах автора на научных и научно-практических конференциях, в рамках реализации научных и аналитических проектов. Положения диссертации нашли также отражение в выступлениях автора в ходе участия в форумах, семинарах, дискуссиях и круглых столах, проводимых различными органами государственной власти, а также научными, экспертными и общественно-политическими организациями, высшими учебными заведениями в России и за рубежом, в экспертных статьях и комментариях для аналитических центров и СМИ. Ряд теоретических положений диссертации нашли воплощение в разработанных автором рабочих программах новых учебных дисциплин.

Диссертация представляет собой самостоятельно выполненное авторское исследование. Её материалы отражены в 78 публикациях автора – как в индивидуальных, так и в небольшом числе совместно выполненных работ, основывающихся на существенном вкладе автора диссертационного исследования (всего более 70 авторских п.л.).

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 47 наиболее значимых научных публикациях автора, в том числе 7 монографиях и 40 научных статьях, 10 из которых входят в международные базы Scopus, Web of Science, RSCI, 16 – в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, из них 11 – из списка изданий, рекомендованных для защиты в

диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Структура диссертации включает введение; основную часть, разделённую на четыре главы, включающие по три параграфа каждая, а также выводы по итогам каждой главы с кратким изложением полученных результатов; заключение, в котором сформулированы итоги выполненного исследования, выводы, рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы; библиографический список, включающий 595 наименований. Количество томов диссертации – 2.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, степень разработанности, формулируются цель и задачи диссертационного исследования, объект и предмет, научная новизна и гипотеза исследования, теоретическая и практическая значимость. Определяется методология и методы диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту. Указаны степень достоверности результатов и их апробация.

В **Главе 1 «Сущность и механизмы формирования государственной политики»** рассматриваются ключевые подходы к государственной политике, соотношению латентных и публичных механизмов её формирования.

В **параграфе 1.1 «Публичные и латентные явления в современной политике»** политические явления представляются как проистекающие в двух разных по своим параметрам сферах – публичной и латентной, каждая из которых характеризуется специфическими свойствами и механизмами самовоспроизводства. Политика как асимметричная и высоко конкурентная сфера отношений, реализуемых в пространстве современного государства, прочно опирается на скрытые от общества сетевые связи наиболее влиятельных акторов и контролируемые ими механизмы целеполагания и целедостижения.

Идентификация обладающей особыми свойствами и функциями латентной сферы позволяет дополнить понимание противостоящей ей публичной сферы как среды общественной экзистенции (отстраивающейся от зоны приватности) представлениями об информационно-коммуникационном обмене между акторами, участвующими в разработке и имплементации целей государственной политики.

В данном контексте подчеркивается вариативный характер латентных механизмов и процедур, отражающих как легальные практики

функционирования государственных структур и институтов (которым предписано решение непубличных задач в контексте взаимодействия с негосударственными акторами), так и сетевые формы активности неформальных коалиций и их влияние на политическую повестку, цели и ценности государственной политики. В этом контексте государственная политика демонстрирует многоплановый характер презентации различных проявлений латентности, обладающей для данного процесса не только дополнительным, но и вполне самостоятельным значением, характеризующим как особую роль участников взаимодействия государства и общества, так и применяемых там технологий принятия решений.

В параграфе 1.2 «Государственная политика и её формирование в пространстве симбиоза публичных и латентных явлений» анализируются актуальные подходы и представления о государстве и государственной политике, предполагающей сочетание публичных и латентных механизмов при воплощении многообразных интересов, целей, ценностей. Так, с процессуальной точки зрения государственная политика описывается как сложное взаимодействие государственных и негосударственных акторов, порождающих сложносоставные конструкции целеполагания и целедостижения.

В этом контексте раскрываются (описанные в рамках нормативно-прескриптивного и поведенческо-дескриптивного подходов) особенности и варианты активности государства либо как устойчивой структуры, обладающей универсальными характеристиками внутреннего устройства, либо как ситуативно формирующегося состояния связей и отношений между участниками целеполагания и целедостижения. В этой связи показывается, что сетевая природа коммуникаций задействованных в этих процессах участников не только позволяет преодолевать инерцию относительно эволюционирующей иерархии, но и придает ей невероятную пластичность, позволяя обнаруживать особые функциональные грани латентных структур и механизмов.

В рамках предлагаемого подхода государственная политика раскрывается как комплекс вариативных взаимодействий публичных и латентных механизмов разработки и осуществления целей. Это позволяет говорить о необходимости выделения дополнительных – обычно остававшихся скрытыми – параметров формирования общественно значимых приоритетов и механизмов их последующей реализации. Выявление и учёт этих параметров демонстрирует выход фактической разработки политических целей за институциональные рамки.

Наращение периферийного характера публичных технологий при принятии политических решений не только демонстрирует расширение латентного пространства целеполагания, но и выводит на новый уровень конкуренцию политико-административных сетей, углубляющую разрыв между воплощенными целями государственной политики и ожиданиями общества. В данных условиях декларативный характер официальных приоритетов и целей правительства, дистанцируя граждан от центров принятия решений, качественно снижает их заинтересованность в соучастии с государством в управлении общественными процессами.

Параграф 1.3 «Латентные механизмы в формировании государственной политики» посвящён теоретическому описанию места и роли латентных механизмов, задействуемых политическими акторами в формировании государственной политики. Проанализировав соответствующие теоретические подходы и модели, автор обосновывает понимание латентных механизмов формирования государственной политики как имплицитных политических взаимодействий государственных и негосударственных акторов, дистанцирующих публику от механизмов осуществления власти и управления. Их стабильное применение в известной степени прикрывается концентрацией внимания населения на открыто декларируемых целях и ожиданиях результатов деятельности государственных институтов и других участников государственной политики.

Учитывая целесообразный характер политических действий государства, автор обосновывает и раскрывает содержание формально-векторных (отражающих ожидаемо-целевые результаты и формы активности) и содержательно-скалярных (характеризующих субстантивные аспекты целенаправленной деятельности в виде мероприятий и иных форм применения финансовых, административных, трудовых и прочих ресурсов) параметров латентных и публичных механизмов целеполагания.

Применительно к макро-, мезо- и мегауровням формирования государственной политики автор выявляет различные композиции и сочетания векторных и скалярных характеристик. Описывая роль латентных механизмов на макроуровне, автор особое внимание уделяет формам управления гражданской активностью и конструированию солидарных связей в обществе, на мезоуровне – регулированию взаимодействия с политико-административными структурами государства, на мегауровне – формам влияния за рамками суверенных национальных границ в глобальном информационном обществе. При этом подчеркивается, что конкурентоспособность акторов, использующих латентные механизмы, определяется навыками диверсификации участия в формировании государственной политики на разных уровнях

В данном контексте также описываются особенности становления новых сочетаний публичных и латентных механизмов в условиях развертывания цифровой среды как особого технологического пространства формирования государственной политики. Автором выделяются и раскрываются актуальные для различных уровней активности государства плюралистические механизмы цифровой демократии, цифровой бюрократии и цифровой дипломатии, которые проявляются в особых формах вовлечения и погружения пользователей в управляемые алгоритмы генерации и обмена данными.

Глава 2 «Особенности позиционирования латентных механизмов государственной политики» посвящена выделению и анализу актуальных

модификаций латентных механизмов на различных уровнях организации политической власти и формирования современной государственной политики.

В параграфе 2.1 «Латентные формы конфигурации государственных и общественных институтов в современной государственной политике» рассматриваются механизмы государственной политики, отражающей выстраивание комплексных взаимоотношений публичных институтов с гражданскими структурами и направленной на укрепление солидарных связей с обществом. В этом контексте особое внимание уделяется созданию и внедрению в институциональный дизайн гражданского общества созданных государством особых агентских структур, выступающих от его имени и реализующих стратегии латентной мимикрии гражданского представительства. Эти системные практики не только способствуют повышению управляемости общественным развитием, но и уточняют границы и требования к характеру диалога власти с гражданским населением, политические условия перспективных изменений общественного договора.

На макрополитическом уровне, демонстрирующем формирование квазигосударственных общественных институтов, связанных с выстраиванием партнёрских отношений власти и населения (отдельных групп), механизмы латентной мимикрии деформируют системные практики делегирования и презентации гражданских интересов. В этом контексте на мезополитическом уровне в рамках GR как самостоятельной профессиональной сферы по взаимодействию с государством и местным самоуправлением расширяется число людей, способных в непубличной форме продвигать востребованные интересы групп и организаций, идентифицируя и используя слабые звенья в политическом пространстве государства (правовые коллизии, коррупцию, межэлитные конфликты, риски суверенитета и т.д.). В свою очередь, при задействовании государством гражданских, культурных и научно-образовательных связей для

продвижения своих интересов на международной арене (мегаполитики) механизмы латентной мимикрии активно встраиваются в конструкции публичной дипломатии, используют инструментальный функционал мягкой силы.

В конечном счете, автором не только признается органический характер механизмов латентной мимикрии как инструмента формирования государственной политики, но и оценивается их роль как способа гибкого приспособления артикулируемых целей к волатильной динамике политического процесса во всех его отраслях и сегментах. В то же время снижение рисков расширения роли механизмов латентной мимикрии предполагает выстраивание плюральных форм общественно-государственного диалога без наделения его отдельных участников какими-либо особыми привилегиями с последовательным наращиванием подлинных инструментов сетевой конкуренции.

Параграф 2.2 «Непубличное представительство интересов в пространстве государственной политики» посвящён рассмотрению латентных механизмов, складывающихся в системе политико-административных связей и оказывающих прямое влияние на процессы разработки и осуществления целей государственной политики. В данном контексте выделяется технологическая специфика латентных механизмов, обеспечивающих взаимодействие гражданских акторов (корпоративных, экспертных, лоббистов, специалистов в области GR и т.д.) с органами государственной власти, а также дополняющих потенциал сетевых ассоциаций в принятии государственных решений (способных как провоцировать риски снижения эффективности государственной политики, так и расширять предпосылки ее адаптации к динамике внешней среды).

Учитывая конкурентный характер воздействия на центры принятия государственных решений, основной задачей участников данного процесса является использование латентных механизмов в целях недопущения чрезмерной выразительности частных интересов, а в ряде случаев – их

прямая маскировка, сокрытие подлинных замыслов и предметное затемнение целевых установок. Так, даже легальные практики взаимодействия политических игроков с государством направлены на такое встраивание частных интересов в публичные формы артикуляции гражданских потребностей, которое сохраняло бы формат актуальной, заданной государством политической повестки и правительственных планов.

В рамках такой политической стилистики обширные экспертные сети сформировали действенный и устойчивый механизм непубличного представительства интересов, превратившись в негласную опору современной системы кооперации государства и стейкхолдеров, представляющих интересы наиболее активной части гражданского общества. Наряду с лоббистами (институционально чуждыми государству) актуальная внешняя экспертиза превратилась в заметный маркер непубличных коммуникаций, порождающих активную среду всестороннего и плюралистичного приближения и встраивания (частичного) общественности в процессы формирования государственной политики. Из изначально разовых, частных, ad hoc проявлений активности специалистов эти усилия в своей латентной форме постепенно превратились в системообразующие конструкции, определяющие процедурные и содержательные аспекты формирования общегосударственных стратегий и действий. Как доказывается в работе, в своем перспективном развитии эти латентные связи и методы будут играть все более значительную роль как при целенаправленной трансформации политического процесса национального государства, так и при обновлении всей конструкции государственной власти и управления.

В параграфе 2.3 «Формы проявления латентных механизмов в международном измерении государственной политики» речь идёт о специфике позиционирования латентных механизмов во внешнеполитическом дискурсе государства. Анализируя подходы к продвижению государством своих интересов в отношениях с внешними

контрагентами, автор подчеркивает значение латентных механизмов, присутствующих в контексте развертывания публичной дипломатии (которая, несмотря на открытые и гласные формы своего функционирования, демонстрирует целенаправленное продвижение необходимых целей и интересов государства за счет особых, прямо не афишируемых настроек политического воздействия на представления и настроения зарубежной аудитории, лидеров общественного мнения, масс-медиа и др.) и мягкой силы (опирающейся на приемы неявного, но эффективного влияния на чувства гражданского населения в виде скрытого формирования комплиментарных настроений к реальным практикам политики того или иного государства).

Латентные механизмы этих внешне публичных способов политического взаимодействия выстраиваются на основе интеграции различных субъективных акций с внешней средой в некую нормативную конструкцию, позиционирующую цели государственной политики (и сопутствующие им властеотношения) в форме диалоговых субъект-субъектных связей. Постоянство их применения формирует важный механизм латентной имплементации целей государственной политики в иных суверенных пространствах. Особую актуальность применение этих механизмов и технологий обретает в связи с усилением субъект-объектных форматов в структурах власти и управления, а также по мере утраты государственными игроками монополии на дипломатию как международную функцию и повышения условности границ между наднациональным и национальными игроками.

Таким образом, публичные институты государства, будучи своеобразными платформами интеграции «суверенных» сетей, вытесняются латентными структурами и практиками из, своего рода, «зоны комфорта» в пространство поиска более действенных механизмов власти и управления. Опора на инструменты мягкой силы позволяет национальным игрокам сохранять должную деловую эффективность, поддерживая к себе интерес со стороны избирателя, пользователя, потребителя.

Глава 3 «Современные формы гибридизации латентных и публичных механизмов в государственной политике» посвящена исследованию особенностей использования латентного инструментария в современной цифровой среде, последовательно захватывающей и перестраивающей сферу власти и государственного управления.

В параграфе 3.1 **«Особенности взаимодействия латентных и публичных механизмов государственной политики в условиях цифровизации»** раскрывается динамика изменений в соотношении публичных и латентных механизмов формирования государственной политики по мере развития и проникновения новых цифровых технологий. В этой связи автор обращает внимание на возникновение – наряду с новыми публичными механизмами – дополнительных предпосылок для использования латентных механизмов, базирующихся на сочетании дейтократической (означающей власть над данными) компетентности и нормативного вакуума по обеспечению общественного контроля над соответствующими технологическими алгоритмами.

Рассматривая государственную политику через призму цифровизации, автор выделяет два политико-цифровых «дискурса», один из которых отражает собственно цифровизацию политики (в виде распространения цифровых технологий в политико-административном пространстве), а другой характеризует политику цифровизации (связанной с методами и технологиями, применяемыми акторами для управления соответствующими процессами).

Систематизируя способы и методы использования цифровых технологий в рамках этих дискурсов, автор выделяет целый спектр направлений трансформации публичных и латентных механизмов на макро-, мезо- и мегауровнях формирования государственной политики, демонстрирующих изменения в цифровой демократии, цифровой бюрократии и цифровой дипломатии. Так, в контексте цифровой демократии автором отмечается и раскрывается значение электронных форм

голосования, онлайн петиций, тиражирования форм постправды и фейков; в рамках цифровой бюрократии описывается дальнейшее совершенствование модальностей электронного правительства и внедрения платформенных решений по технократизации политико-административных процедур; в содержании цифровой дипломатии характеризуются особенности твиттер-дипломатии и твиттер-революций, цифровой легитимации и перспективных форм ведения информационных войн.

Оценивая универсальную потребность в технологическом обновлении процесса формирования государственной политики в нестабильных условиях современности, автор обосновывает расширение предпосылок манипулятивного характера долгосрочного целеполагания. При этом указывается, что латентные механизмы снижения ответственности акторов в контексте удлиняющейся перспективы ведут к снижению управленческой эффективности публичных приоритетов и к регулярному пересмотру целей и механизмов их достижения. Такое положение способствует постоянному реформированию, перезагрузке и пересмотру целей государственной политики в ходе адаптации публичных институтов к более современным методам и алгоритмам управления, опирающимся на динамику цифровой инфраструктуры.

В параграфе 3.2 «Перспективные механизмы цифровой демократии и цифровой дипломатии в формировании государственной политики» раскрываются основные формы применения латентных механизмов в процессах цифровизации внутри- и внешнеполитических сфер современного государства. В этом контексте показывается, что цифровая демократия отражает смену причинно-следственных связей в политических стратегиях рядовых пользователей, демонстрируя выработку ими политических предпочтений на основе участия в различных сетевых форматах. В свою очередь, цифровая дипломатия, совершенствуя технологии прямого диалога между различными акторами, расширяет траектории воздействия латентных механизмов на политические настроения во внешней

среде.

Как показано в работе, если в публичном пространстве продолжается геометрический рост как замкнутых, так и инклюзивных сообществ самодеятельной делиберации, ведущих к развитию *глобального снама* (нового качества «белого шума», осложняющего целесообразный коммуникационный процесс в условиях публичного общения всех со всеми), то латентные механизмы позволяют акторам неафишируемым образом модерировать активность соответствующих сообществ. В силу этого в государстве усложняется конкуренция акторов за конструирование и опережающее осваивание перспективных технологий влияния.

Наряду с синергетическими последствиями применения сетевых инструментов в государстве интенсифицируется мобилизация индивидуальных, групповых и иных самостоятельных игроков-пользователей, способных привлекать сетевую поддержку массовой аудитории. Такие практики закладывают основы как для политического управления в новых (цифровых) реалиях, так и для решения задач по таргетированию солидарных связей в гражданской среде в условиях демократического или постдемократического транзита.

Меняющаяся форма информационно-цифровой публичности предполагает более адресное пользование применяемыми в государственной политике латентными механизмами (за счет алгоритмического совершенствования связей, усиления коммуникативной убедительности, пользовательской привлекательности и др.), позволяющее им сохранять инструментальную устойчивость и скрытность в условиях перекрёстных разоблачительных кампаний.

Поскольку в процессе принятия государственных решений доминирует опора на процедурные и институциональные правила целеполагания, такое положение на практике зачастую защищает кулуарные механизмы формирования государственной политики. В то же время цифровая демократия и цифровая дипломатия, развивая дискурс о желательных для

государства целях различных политических проектов, как правило, не предусматривают значимых опций для выхода за конвенциональные рамки задаваемых акторами регламентов гражданского участия в принимаемых решениях.

Параграф 3.3 «Механизмы цифровой бюрократии в трансформации публичности современной российской государственной политики» посвящён выявлению и описанию инструментализации и попыток централизации латентных цифровых ресурсов в политико-административных сетях современной России.

Как показывается в работе, цифровая бюрократия, являющаяся результатом латентных процессов регламентации принятия решений, позволяет минимизировать контакты между гражданином как потребителем государственных услуг и властью как их поставщиком, рассредоточивая при этом их публичные контакты. Таким образом, механизмы электронного правительства и цифровизация бюрократии смещают фокус рисков применения латентных механизмов с человеческого фактора (личностные особенности, договороспособность и др.) в зону факторов технических (сбои алгоритмов или неполадки, подлежащие устранению).

Иллюстрируя эти тенденции на примере российской политики цифровизации, автор подчеркивает стремление конкурирующих акторов к переносу соперничества в новые технологические фреймы, а также к установлению собственных моделей регулирования социальных процессов в перспективной технологически обусловленной реальности.

Обширная и обновляющаяся нормативная база, вариативность управленческих инструментов, активность традиционных стейкхолдеров и новых акторов, мобилизуемых государством для участия в этой политике, позволяет выявлять перспективные формы цифровой среды. Эти обладающие национальным измерением явления расширяются исходя из сетевых реалий, однако оказываются не лишёнными и административных механизмов, сохраняющих за государственными игроками ключевые

контрольные позиции, использование которых по-прежнему носит латентный характер.

Глава 4 «Проблемы имплементации и развития латентных механизмов государственной политики в современной России» посвящена российской специфике использования латентных механизмов в процессе формирования государственной политики, отражающей сущностные и процессуальные вариации взаимодействия государственных и негосударственных акторов при применении скрытых технологий целеполагания и целедостижения.

В параграфе 4.1 **«Волатильность публичности политики в Российской Федерации»** анализируется характер динамики публичных явлений в российском общественно-политическом дискурсе и их роль в формировании государственной политики, а также факторы усиления роли латентных механизмов. Ключевым значением в этом аспекте, по мнению автора, является активность не формализуемых объединений представителей политического класса (элитарные клубы и сообщества, программы лидерства, кадровые резервы и проч.), которые формируют закрытые от публики пространства коммуникации «своих со своими». Именно в них культивируется непубличный характер поиска решений, разрешения конфликтов, разработки моделей развития. Под их влиянием закрытый характер формирования государственной политики становится устойчивой культурной нормой, действующей в системе государственного управления.

Вместе с тем, сами акторы, добивающиеся принятия предпочтительных решений за закрытыми дверями, отнюдь не игнорируют обращения к общественному мнению, позициям тех социальных групп, которые выражают схожие взгляды и интересы, – в данном случае умение оперировать публичными факторами позволяет укреплять конкурентоспособность подлинных стейкхолдеров государственной политики. На этом фоне сочетание публичных и латентных механизмов достижения социально приемлемых целей государственной политики

последовательно сокращает объем общественно-политического дискурса, особенно сильно снижая информирование и вовлечение гражданских структур в вопросы, касающиеся интересов ключевых политических акторов.

Таким образом, латентные механизмы уже в меньшей степени обусловлены волей субъекта и в большей степени системным характером сложившейся конструкции государственных структур, и при их взаимодействии с обществом публичная сфера обретает гибридный характер, в рамках которого участники имитируют дискуссию о целях (о которых заранее договорились). В этом контексте латентные механизмы и технологии базируются на гибридных свойствах публичной среды, проявляющихся в сосуществовании внешне доступных форм гражданской самореализации наряду с закрытыми зонами управляемого процесса принятия решений, доступными строго ограниченному кругу акторов. Таким образом, латентность концентрируется уже не столько в отдельных формах, отличных от имеющихся публичных, сколько в особых свойствах, «вплетённых» в вертикальные формы организации публичной власти, администрирование публичной повестки, поощрение конкуренции за публичные ресурсы (государственные гранты) и др.

В параграфе 4.2 «Латентная централизация административно-политического взаимодействия в российском политическом целеполагании» рассматривается процесс разработки принципов и общенациональных приоритетов государственной политики в современной России, особенности применения манипулятивных технологий при корректировке целей ключевых акторов и использования латентных механизмов в продвижении своих интересов.

Подчеркивая тот факт, что публичное целеполагание обладает легитимирующим значением для применения латентных механизмов (использование или злоупотребление которыми со стороны сетевых акторов остается неподконтрольным), автор раскрывает особенности сложившихся в современной России сложных взаимосвязей скрытного согласования позиций

и технологий публичной презентации государственных приоритетов, отразивших последствия широкой административной реформы.

В этом контексте показывается, что на фоне разработки институциональных реформ, национальных проектов и государственных программ фактические механизмы формирования государственной политики, испытывая существенное влияние сетевых коалиций правящего класса, все больше смещаются в латентное, ненормативно регулируемое пространство. При этом публичные цели легитимируют решения ключевых стейкхолдеров, девальвируя их ответственность за процесс целедостижения и дальнейшие результаты (в немалой степени свидетельствующих о преимущественном распределении ресурсов и административной ренты среди ограниченного круга бенефициаров). Таким образом, публичные цели, олицетворяя открытый характер целеполагания, по существу являются инструментом, используемым акторами для переключения и захвата общественного внимания, отвлекающим от латентного характера механизмов подлинного целедостижения. Когда социум утрачивает интерес в изначально заявленных целях, государство декларирует обновление своих приоритетов, оставляя за скобками результативность и эффективность уже затраченных на решение прежних задач общественных ресурсов.

Параграф 4.3 «Российские практики публичной дипломатии в латентных механизмах мировой политики» раскрывает характер активности российских политических акторов, направленной на неафишируемое воздействие на международную повестку и продвижение национальных интересов во внешней среде.

Подчеркивая эффективность и вариативность применения латентных механизмов, повышающих свое значение на фоне обострения глобальной конкуренции, автор рассматривает перенос акцентов в публичной (гуманитарной) дипломатии с политических вопросов на проекты содействия международному развитию (оказания безвозмездной помощи и поддержки странам и народам в получении нужных им товаров и услуг) в качестве

важного направления развития государственной политики во внешней среде.

В контексте усиления противостояния в мировой политике рассматриваются вопросы устранения барьеров, препятствующих активности внутренних негосударственных акторов на международной арене, расширения возможностей их доступа к таким глобальным инструментам влияния, как транснациональные корпорации, финансовые структуры, мировые СМИ, институты развития и аналитические центры и др. Современные механизмы политического управления, вынесенные за пределы институционального дизайна, формируют основания для ещё большей гибридизации публичных и латентных технологий, дальнейшей фрагментации и децентрализации сетевых отношений и снижения их зависимости от официальных структур. В рамках этой тенденции инструменты скрытого влияния на целевые установки государственной политики обретают более устойчивый и нелинейный характер.

В **Заключении** изложены итоги выполненного диссертационного исследования, сформулированы выводы, рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы.

В соответствии с заявленной и подтверждённой в работе исследовательской гипотезой на основании разработанной теоретической модели было показано, что несмотря на активное расширение публичного пространства современного государства, именно сохранение и усложнение пестроты интересов властвующих и околовластных групп, появление новых и расширение круга действующих стейкхолдеров приводят к воспроизводству и технологическому совершенствованию остающихся скрытыми от общества латентных механизмов, способствующих неоглашаемому формированию востребованных среди ключевых акторов конфигураций реализуемой государственной политики. В условиях, когда фокус внимания акторов демонстрирует готовность к смещению из сферы открытой артикуляции к сфере скрытого умолчания, науке предстоит реагировать на развитие соответствующих общественных ожиданий.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в 47 научных работах автора, из которых наиболее значимыми, общим объемом 59,6 п.л., являются следующие:

Научные статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в международных базах Scopus, Web of Science, RSCI:

1. Коньков А.Е. Развитие латентных механизмов политики в условиях расширения публичного пространства // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 4. С. 22-37. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 1,966.
2. Коньков А. Е. Уроки вакцинной дипломатии. Государственно-частная политика в условиях глобальной неопределённости // Россия в глобальной политике. 2021. № 4.1. С. 73-77. (0,4 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,484.
3. Михайлова О. В., Коньков А. Е., Батоврина Е. В. Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом? // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 29–47. (1,2 п.л. / авторский вклад — 0,3 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,942.
4. Коньков А. Е. (Не)делимость опасностей для Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2020. Специальный выпуск. Июнь. С. 52–55. (0,3 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,484.
5. Коньков А. Е., Чуков Р. С. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 62–73 (1 п.л. / авторский вклад — 0,5 п.л.) SJR: 0,337
6. Konkov A.E. Hybrid faith // Russia in Global Affairs. 2019. № 2.1. June. Special Issue. (1 п.л.) SJR: 0,178; *переводная версия:*

- Коньков А. Е. Гибридная вера // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. С. 94–103. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,484.*
7. Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 6. С. 6-28. (1,5 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,457.*
8. Коньков А. Е. Чем мягче, тем сильнее: гибридикация власти // *Сравнительная политика. 2016. № 4. С. 151–160. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,723.*
9. Konkov A. E. Documents and life // *Russia in Global Affairs. 2015. № 3. P. 76–86 (0,8 п.л.) SJR: 0,178; переводная версия: Коньков А. Е. Документы и жизнь // Россия в глобальной политике. 2015. Специальный выпуск. Июль-август. С. 128–140. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,484.*
10. Коньков А. Е. Формирование модели самообучающегося федерализма в условиях административной реформы // *Политическая наука. 2009. № 2. С. 76–93. (1,5 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,739.*

**Научные статьи в изданиях, рекомендованных для защиты в
диссертационном совете МГУ по специальности:**

11. Коньков А.Е. Латентные механизмы в публичном пространстве государственной политики: подходы и интерпретации // *Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 62-79. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,647.*
12. Кругляков Д. А., Коньков А. Е. Политическое взаимодействие власти с общественностью: актуальные проблемы и практики в современном парламентаризме // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 14–19 (0,8 п.л. / авторский вклад — 0,4 п.л.). ИФ РИНЦ: 0,189.*

13. Коньков А. Е. Солидарность в политике современного государства // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2020. № 81. С. 182–195. (1,2 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,837.
14. Коньков А. Е. Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. № 2. С. 205–221. (1,2 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,436.
15. Коньков А. Е., Чуков Р. С. Парламентская дипломатия и культура парламентского диалога в современной политике // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2019. № 77. С. 124–143 (1 п.л. / авторский вклад — 0,5 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,837.
16. Коньков А. Е. Латентная мимикрия в системе общественно-государственных отношений и тенденции цифровой трансформации // Информационные войны. 2018. № 4. С. 20–27. (0,8 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,307.
17. Коньков А. Е. Выступление на Круглом столе «Самодержавие и Россия: было и прошло» // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 431–432 (4 п.л. / авторский вклад — 0,2 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,118.
18. Коньков А. Е. Задачи активизации взаимодействия России с глобальными институтами развития // Международная жизнь. 2013. № 5. С. 161–172. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,263.
19. Коньков А. Е. Политическое взаимодействие России с глобальными институтами: проблемы и практики // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2013. № 38. С. 130–143. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,837.
20. Коньков А. Е. Сублимация креативного протеста как модель развития мегаполиса // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2013. № 1. С. 88–103. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,211.

21. Коньков А. Е. Федеральный центр и регионы России: меняющиеся отношения // Россия и современный мир. 2012. № 1. С. 23–34. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,411.

Научные статьи в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

22. Коньков А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. № 1. С. 47–68. (1,5 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,121.
23. Коньков А. Е. Публичная дипломатия как форма публичной политики: государство в условиях кризиса демократии и постправды // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. № 3. С. 404–416. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,333.
24. Коньков А. Е. Новый электоральный цикл: проблемы взаимоотношений центра и регионов // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2012. № 1. С. 6–21. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,166.
25. Коньков А. Е. Проблемы и тенденции моделирования федерализма в России // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2009. № 4. С. 24–37. (1 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,166.
26. Коньков А. Е. Административная реформа на местах: стимулы и принуждения // Власть. 2006. № 12. С. 21–26. (0,6 п.л.) ИФ РИНЦ: 0,613.

Монографии:

27. Коньков А.Е. Латентное пространство публичной политики в современном государстве: в поисках теоретической модели / Монография. – М.: Аргмак-Медиа, 2021. – 224 с. (13,9 п.л.).

28. Конфликтное поле публичной политики: опыт, уроки и перспективы современного российского общества / Под ред. А.И. Соловьёва, Г.В. Пушкарёвой. — М.: Аргмак-Медиа, 2022. — 336 с. (20,9 п.л. / авторский вклад — 1 п.л.).
29. Взаимодействие общества, власти и госкорпораций в условиях режима повышенной готовности: доверие, ответственность, солидарность: монография / Под общ. ред. А.Ю. Шутова, А.Л. Демчука, И.И. Кузнецова. — М.: КДУ, Университетская книга, 2020. — 102 с. (11,85 п.л. / авторский вклад — 0,25 п.л.).
30. Гражданский сектор государственного управления / Под ред. А.И. Соловьёва. — М.: Аргмак-Медиа, 2018. — 440 с. (27,2 п.л. / авторский вклад — 1,5 п.л.).
31. Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации / А. Ю. Полунов, М. А. Буданов, В.Ю. Зорин, А.Е.Коньков и др. — М.: КДУ; Университетская книга, 2018. — 218 с. (13,6 п.л./ авторский вклад — 0,5 п.л.).
32. Государственная политика и управление / Под ред. А.И.Соловьёва. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 480 с. (30 п.л./ авторский вклад — 1,5 п.л.).
33. Коньков А. Е., Никогосян О. Р. Глобальные проблемы для глобального управления. — М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2014. — 80 с. (5,6 п.л. / авторский вклад — 2,8 п.л.); *переводная версия: Konkov A., Nikoghosyan H, Global Problems for Global Governance. — М.: Valdai Discussion Club, 2014. — 66 p. (5 п.л. / авторский вклад — 2,5 п.л.).*

Иные научные труды соискателя (из наиболее значимых):

34. Konkov A. E. Russia's asymmetric foreign policy: Strategy or tacticism? // The Foreign Policy of the Russian Federation in the Era of Multipolarism: Practical Application of the Primakov Doctrine. — Vol. 19 of La Comunita Internazionale. Rivista Trimestrale della Società Italiana per l'Organizzazione Internazionale. — Napoli: Editoriale Scientifica, 2020. — P. 81–101. (1,2 п.л.).

35. Konkov A. E. Russian-Turkish dialogue for the regional security // Russia and Turkey: Bilateral Relations in International Context. International Conference Book. — Istanbul, 2020. — P. 193–200. (0,5 п.л.).
36. Коньков А. Е. Стратегии латентной мимикрии между государством и обществом // Политика и управление государством. Новые вызовы и векторы развития / Под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. — М.: Аспект-Пресс, 2019. — С. 25–41. (1 п.л.).
37. Коньков А. Е. Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14. Т. 1. М.: ИНИОН РАН, 2019. — С. 119–121. (0,5 п.л.).
38. Коньков А. Е. Предпосылки формирования цифровой политики // Государственное управление: Россия в глобальной политике. Материалы XVII Международной конференции (16 мая – 18 мая 2019 г.). — М.: КДУ, Университетская книга, 2019. — С. 421–426. (0,5 п.л.).
39. Коньков А. Е. Мимикрия латентных структур в институты гражданского общества в политике государства // Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества. Материалы XVI Международной конференции (31 мая – 02 июня 2018 г.). — М., 2019. — С. 696–702. (1 п.л.).
40. Коньков А. Е. Мягкая сила в современной российской политике // Власть, информационные технологии, массовое сознание: основные тенденции современного политического развития. — М.: Аргатак-Медиа, 2017. — С. 101–108. (0,5 п.л.).
41. Коньков А. Е. Мягкая сила: интерпретация и инструменты // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Ежегодник РАПН. — М.: РОССПЭН, 2017. — С. 283–298. (1 п.л.).
42. Коньков А. Е. Международное взаимодействие в системе российского стратегического планирования // Дискурс, политика, управление: Материалы IX Конвента РАМИ. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 284–292. (1 п.л.).

43. Коньков А. Е., Никогосян О. Р. Евразийская интеграция: в поисках геополитической сердцевины // 21-й век. 2013. № 2. С. 5–25 (1 п.л. / авторский вклад — 0,5 п.л.).
44. Коньков А. Е. Новый электоральный цикл: проблемы взаимоотношений центра и регионов // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Ежегодник РАПН. — М: РОССПЭН, 2012. — С. 307–326. (1 п.л.).
45. Коньков А. Е. Интересы и направления развития российского бизнеса в Европе // Стратегическое управление: от идеи до результата. — М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2011. — С. 151-153. (0,25 п.л.).
46. Коньков А.Е. Истоки федерализма в России // Политические процессы в России и в мире: Взгляд молодых политологов. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 124-136. (1 п.л.).
47. Коньков А.Е. Несоответствия национального и территориального принципов в развитии современного Российского федерализма // Вестник молодых ученых «Ломоносов»: Сборник лучших докладов XIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: МАКС Пресс, 2007. — С. 164-169. (1 п.л.).